

фантастическая
история

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Василий Кононюк

Шанс? Жизнь взаимы

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К64

Кононюк В. В.

К64   **Шанс? Жизнь взаимы: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 408 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1291-4

Продолжаются приключения нашего современника, попавшего в тело юноши, живущего на границе Литовского княжества и Дикого Поля.

Пятнадцатый век, татарские набеги, ежедневная борьба за выживание, мир, в котором умение владеть луком и саблей ценится больше любых знаний. Но уж если высшие силы подарили нашему герою еще одну жизнь, взятую взаимы, то прожить ее, прячась и не высываясь, у него не получится. Все или ничего. До исторической битвы, в которой можно попытаться сломать ход истории, остались считанные годы. Нужно успеть...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1291-4   © Кононюк В. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Скучная, мерзлая дорога мерно ложилась под копыта наших коней, убаюкивая и упорядочивая мысли.

Два месяца не прошло с того дня, как в результате экспериментов, проводимых в одном закрытом питерском институте, в лаборатории экспериментальной психиатрии, моя душа строго научно перенеслась в параллельный мир, в четырнадцатый век, который вскоре плавно перетечет в век пятнадцатый. Естественно, перенеслась после моей смерти, ибо Владимир Васильевич вполне успешно и счастливо жил в двадцать первом веке. Вот именно: жил да был. Пока не дожид до смертельного диагноза, да еще в последней стадии...

И очутилось мое сознание в теле четырнадцатилетнего парня вместе с больным сознанием самого Богданчика, до сей секунды обладавшего этим телом совершенно суверенно и независимо... Но что получилось, то получилось: пребываем в состоянии, которое любой психиатр опишет как состояние острой шизофрении (мне скоро исполнится пятнадцать: это опять Богдан напоминает о себе). Такая вот странная игра цифр. Только знахарка Мотря знает эту нашу с Богданом тайну. Даже родители Богдана могут лишь догадываться... Не догадуются.

Ну, начали мы, как это водится, жить-поживать да добра наживать. Вот, собственно, это нажитое непосильным разбоем добро и едем теперь продавать куда подальше — до Киева, матери городов русских, — вместе с казаками, моими боевыми товарищами. Решили аж в Чернигов захватить, чтобы лишних вопросов к нашей добыче не появилось, а то мало ли... Да и прикупить всего разного нужно немало,

чтоб прожить эту зиму так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые... месяцы. Ибо отпустила нам судьба этих месяцев не так уж много.

Если я правильно все помню из истории, проиграют через девять лет (если считать с точностью — то через восемь лет и семь месяцев) местные войки, собранные под стягом князя Витовта, битву под Ворсклой, и будет то, что было в Одессе, а вернее — при Батые, лет сто пятьдесят назад. Правильно. Сожгут татары все Правобережье, лишь в глухих белорусских лесах — пардон, ныне они литовские — сохранятся осколки разумной жизни, которые вновь начнут заселять выжженную пустыню. Мне это совсем не по душе. Правильно, Богданчик?

Но раз уж все так случилось и оказалась здесь моя неприкаянная, то кто сказал, что и дальше все должно быть так, как написано в истории? Даже если кто и сказал, то мы с ним крепко поспорим. Мне бы еще до самого Витовта добраться...

Итак, поначалу — в Киев.

ГЛАВА 1

О том, как никто не хотел умирать, но искусство требует жертв

Наше путешествие в Киев под предводительством Ивана Товстого благополучно завершилось на второй день. В понедельник вечером, когда уже стемнело, мы добрались до корчмы под Киевом, в которой мне уже давно хотелось побывать. Еще когда Иван на круге про поход с Загулей рассказывал, запомнилась мне та корчма, потом девки, которых мы у черкасских казаков отбили, про корчму под Киевом в своих рассказах упоминали. Обсуждая с казаками, что делать с корчмарем, решили пока присмотреться, а на обратной дороге решить его судьбу — в зависимости от того, как он себя поведет с Иваном. У таких людей память профессиональная, о том, что полтора месяца назад Иван у него жил и с кем приехал в компании, корчмарь обязан вспомнить. А раз вспомнит, то в разговоре с ним Иван попробует затронуть эту тему — мол, пока девками не интересуемся, но вот весной очень даже нужны будут. И какую ты нам помощь, корчмарь, оказать сможешь. А там посмотрим, что нам скажут. Вторая тема для разговора была про нанимателей. Близилось время зимних кампаний — обычно в корчмах и постоянных дворах интересующийся народ искал концы и выходы на казаков как потенциальных наемников.

Иван с Сулимом скептически отнеслись к высказанным идеям: постоянных дворов под Киевом хватает. Иван вдруг уточнил, что воз они у этого корчмаря наняли, а бочки пустые у другого, уже ближе к Киеву, а у которого, он так и не вспомнит, поскольку в ту корчму и не заходил, а сразу в Киев поехал по своим делам. Такая понятная поначалу си-

туация запутывалась, и распутывать ее становилось некогда.

Рассиживаться в Киеве времени не было: за вторник нужно найти обоз, к которому пристать. Как рассказывали Иван и Сулим, большинство купеческих обозов отправляются из Киева в Чернигов рано утром в понедельник — так, чтобы в четверг добраться и в пятницу с утра уже место на базаре занять. Но и в другие дни купцы выезжают: не у всех же получается в понедельник выехать. Дел было много, как справиться со всеми, я себе не представлял. Мне нужно было, кроме этого, найти достаточно информированного человека, чтобы в беседе с ним проверить исторические факты и понять политическую ситуацию. Насколько я помнил, именно в одна тысяча триста девяностом году отношения между Ягайлом и Витовтом обострились вплоть до вооруженной борьбы, к которой тот в следующем году привлек Орден. Витовт начал наступление на севере, что вынудило Ягайла в девяносто втором вступить с ним в переговоры — и в результате отдать Витовту титул Великого князя Литовского.

Кроме этого, нужно было начинать несколько информационных кампаний. Первую я условно назвал «Героический образ казака, народного мстителя». Тут особо напрягаться не надо. Нужно подкинуть ребятам, которые зарабатывают музыкой на ярмарке, пару благодарных тем, а дальше машина сама пойдет. То, что эти темы будут пользоваться популярностью, сомнения не вызывало: проверено историей. Лет через двести в этой местности все будут петь только о казаках. Первым делом сочинить с музыкантом пару песен о героической борьбе казаков с татарскими ордами — как говорится, задать тему, — а дальше дело само пойдет. Главное — вовремя новые идеи и сочинения подбрасывать.

Вторая кампания — более деликатная, назовем ее «Дискредитация образа католического священника». Тут никаких песен: анекдоты и смешные истории в стиле «Декамерона», как священники соблазняют жен и дочерей у наивных прихожан, — и ужасные истории двух типов. Первые, с примесью правды — нечто про соращение детей

священниками, гаремы рабынь у папы и епископов, другие жизненные байки. Вторые — свободный полет фантазии, чем страшнее, тем лучше: поклонение дьяволу, жертвоприношение, сатанинские мессы и другие сюжеты аналогичного содержания.

После принятия Кривской унии, положившей первые камни в объединение Польши и Литвы, бояре, принимающие католичество, становились неподсудны своему князю: их должен был судить лишь кастелянский суд. Кроме этого, за ними навечно закреплялись и освобождались от всех местных налогов данные им в кормление земли.

Фактически, с одной стороны, это было направлено на разрушение принципов вассальной присяги своему князю и ослабление роли местных князей, с другой — прямая вербовка всей элиты общества в католицизм, ну а с народом, как говорится, потом справимся. И единственное, что можно было противопоставить этому процессу, построенному на принципах шкурной выгоды, это общественное мнение, не приемлющее новой религии. Мнение, имеющее в своем арсенале фактические истории, высмеивающие и разоблачающие лицемерие провозглашаемых принципов и правил. А смех — это большая сила. Вот поэтому и хотелось заняться формированием этого мнения и снабжением его нужными историями в меру своих скромных сил и возможностей.

Ну и третья агитационная кампания, самая главная — «Жизненные истории о процветании и счастливой доле беженцев в казацкую землю». Полусказочные истории о смелых беженцах от засилья католиков и панщины и об их карьере на новых землях. Тут история моей семьи и парочка других, того же Степана, реальных людей с реальной биографией, которые можно проверить, будет изложена практически без изменений, а истории некоторых других реальных людей слегка приукрашены. В конце — купца, которому рассказывается эта байка, просят передать привет родичам и сообщить им о счастливых переселенцах, приглашающих всех родичей и знакомых последовать по их стопам. Поскольку народ любит сказки со счастливым концом и с положительным героем, думаю, купцы легко за-

несут эти истории в нужные нам области, начнут выспрашивать, знает ли кто о таких персонажах. А поскольку найти концы будет нетрудно, то найдутся свидетели и очевидцы. Невыдуманные истории найдут своего благодарного слушателя.

После пропагандистской кампании останется создать транспортную цепочку по эвакуации переселенцев, выкупить или открыть постоянные дворы в нужных точках. Православные священники нижнего звена часто демонстрировали силу духа и стойкость, которая и не снилась иерархам православной церкви, с безразличием взирающим на агрессию католической церкви, проводимую самыми гнусными методами. Заинтересовать их рекрутированием добровольцев в православное казачье войско, а потом и самих рекрутировать на новые земли.

На Галичине, Волыни, землях, достаточно недавно подмятых Польшей, наступление на веру и права крестьян в самом разгаре. Но люди еще помнят старину, знают, какие порядки царят в Литовском и Московском княжествах. Поэтому, если предложить альтернативу и реальные транспортные каналы, народ должен потянуться к новой и счастливой жизни.

Конечно, люди знают поговорку «Там хорошо, где нас нет», но она никого никогда не останавливала. На такие предостережения искатели приключений не реагируют — народ осторожный останется, а самые смелые пойдут. Если от них прилетят положительные новости, то и остальным захочется. С другой стороны, земли на Галичине, Волыни уже давно густо заселены, избытка площадей там нет. Так что молодым, энергичным прямая дорога искать места попривольней.

В этом году — рекламная кампания, а на следующий год придется плотно путешествовать по приграничным с Польшей землям и создавать транспортные каналы. Наши православные бояре с польскими еще на ножах, им на унии пока наплевать, крупные столкновения на границе закончились лет пять назад, а мелкие будут продолжаться еще лет сто, если не больше. Так что никто не будет помогать ляхам искать беженцев. При правильной организации много де-

нег это мероприятие не потребует, а людей заселять казацкие земли прибудет изрядно, заодно и разведка минимальная появится.

Обдумывая свои ближайшие действия, слушал вполуха разговор Ивана с хмурым корчмарем. Уже было понятно: это не наш клиент. С виду и по повадкам — отставной княжеский дружинник, который открыл корчму после выхода на пенсию.

— Девок, казак, себе сам ищи, я в таких делах не советчик. Если тебе на одну ночь жениться, подскажу в Киеве двор постоялый — там тебе помогут хотелку успокоить, коль терпеть невмочь. Чтоб охочих в поход искали, того пока не слышал. Приехали ляхи к князю нашему, о чем толкуют — того не ведаю. Где в Киеве стоят, могу подсказать, погугарите с кем-нибудь из их охраны — может, подскажут чего. А пока вот отведайте, что жонка разогрела, и не сердчайте: мы сегодня гостей не ждали. Спать тоже тут будете, на лавках — в хатах не топлено, вам же лучше. С вечерей монету серебром с вас возьму, хоть с вами целый табун коней пришел, не грех и больше взять.

— Если с ляхами у нас завтра разговор выйдет, то две серебрушки от нас получишь, в обиде не будешь.

— Так я и так не в обиде: нож к горлу не суете — уже добре, ха, ха, ха.

— А что, и такое бывало?

— А ты, казак, открой корчму — если на тебя раз в месяц с ножом не полезут, я рядом открою: видно, ты место на дороге в рай нашел, ха, ха, ха.

— Ты, наверно, дядьку, сам их подуськиваешь — скучно, видать, тебе жить без меча в руках и пики доброй, — вставил я свои пять копеек.

— Ишь, глазастый какой, скучно мне... намахался, слава богу, за двоих. Одного не пойму: как живой остался. Вои — не чета мне — спят давно, а я вот топчу пока рясу... А ты чего две сабли за спину нацепил — неужто с двух рук биться можешь? Тебе еще пять лет со щитом упражняться надо, пока вторую саблю в руки брать.

— Ты, дядьку, о чем не ведаешь, по себе не суди. С двух

рук биться либо сразу учат, либо не учат совсем. Переучивать того, кто со щитом годы простоял, никто не возьмется.

— Языком ты горазд махать, спору нет, а может, мне, старику, покажешь, как руками машешь?

— Выбачай¹, дядьку, не сейчас. Дорога дальняя, а даже палкой покалечиться можно. Вот будем назад ехать — тогда помашем с тобой палками, готовь монеты. Я без монет не бьюсь.

— Ха, посмотрим, кто из нас без монет останется. Но осторожный ты больно, казачок, так что и на казака не похож. Ну да ладно, лучину сами потушите, спите спокойно.

Оставив меня размышлять над мучительным вопросом, похож он на того, кому Господь рекомендовал много раз прощать, или, может, нужно было сразу в ухо дать за такие слова, старый солдат ушел наверх по скрипучей лестнице. Решив, что быстрее засну, если отвечу, что похож, успокоенный, улегся на свою лавку.

На следующий день, оставив коней и поклажу в корчме, мы дружной пятеркой пешим строем отправились в Киев. Как объясняли опытные товарищи, пеший на воротах не платит, а поскольку торгога сегодня доброго на базаре нет, то и смысла монетами разбрасываться тоже нет. На воротах недовольные охранники начали зубоскалить над нашей экономностью, тем более что Иван вырядил нас всех для солидности в полный доспех и со стороны мы были похожи на терминаторов.

Как обычно, больше всех досталось мне, а поскольку грубить охранникам на воротах чревато, то приходилось отшучиваться и брать на «слабо». В результате, договорившись, что после пересменки готов принять кулачный бой с каждым из них по очереди, мы наконец-то попали за крепостную стену. Там Иван и Сулим, рассудив здраво, что со мной надо не на работу ехать наниматься, а объявлять войну Польше, решительно отправили меня с Дмитрием на базар договариваться с подходящим купцом, а сами с Давидом пошли искать постоянный двор с приезжими поляками.

Поскольку Киев того времени уже был не столицей мо-

---

¹ Извиняй (укр.).

гучего государства, а пограничным городом, выглядел он соответственно, напоминая провинциальный медвежий угол с пятью-шестью тысячами населения, у которого на базарную площадь выходят практически все дороги. По сравнению со своим расцветом, о котором напоминали руины укреплений, построенных при Ярославе Мудром, лишь правильными геометрическими размерами отличающиеся от обычных земляных холмов, город значительно ужался в размерах. Жизнь городка сосредоточилась вокруг Лавры на Печерах и на Подоле, среди многочисленных ремесленников и купцов. Одноэтажные деревянные постройки, бедность, с одной стороны, и первые следы восстановления, как то: новый земляной вал и частокол, сооруженный уже при Владимире Ольгердовиче, нынешнем удельном князе, — с другой, наглядно демонстрировали, что еще тридцати лет не прошло, как Киев был освобожден от ордынского гнета.

На Андреевскую гору нам идти было нечего, да и нарваться на неприятности можно, так что княжий гостинец нам обозреть не удалось. Попав на базарную площадь, первым делом потащил Дмитра к скучающему бандуристу, которого никто не слушал по причине практического отсутствия на рынке покупателей. Живописав бандуристу жизненный подвиг Керима и убедив его с помощью монет, что наша с ним задача рассказать об этом потомкам, взялись сочинять думу.

Поскольку моя голова была полна всевозможных поэтических заготовок типа «То не темна хмара насувает, то татарская Орда налетает», «То не яшень долу похылывся, то молодой казак зажурывся», поэтическую часть думы мы с Богданом взяли на себя. Объяснив ему принципы поэтического творчества, привел в пример пару песен про казаков, которые приблизительно помнил. Богдан с радостью занялся новым для себя делом и легко выдал почти готовый текст за каких-то пятнадцать минут. Малыш обещал стать выдающимся сочинителем, слова складывались у него в рифмованные строки очень просто и естественно, тем более что народ к рифмам был не капризен, с удовольствием слушая под музыку и белые стихи. Музыка в те времена

разнообразием не блистала, так что сочинение нового хита было в скором времени завершено, и мы с Дмитрием проводили контрольные слушанья.

Я позволил себе только слегка изменить концовку, придав ей более жизнеутверждающий характер. В конце песни главный герой, казак Керим Вырвыноги, наступив на одну ногу своего кровника, вторую потянул в сторону, попытавшись таким способом разделить его на две равные половины. Эта попытка окончилась относительной неудачей — двух равных половинок не вышло, а в руках у казака осталась оторванная нога супостата. Несмотря на то что лирический герой не смог добиться симметрии в финальном рисунке песни, было понятно, что это произведение найдет благодарного слушателя, а наш творческий труд будет по достоинству оценен.

Двинулись дальше по базару. Мне пришлось волочить за собой потрясенного Дмитра, оказавшегося рядом с таинством творения. На неподготовленных людей это всегда действует оглушающе. Громкие крики участников процесса тут совершенно ни при чем. Глушит совсем другое — например, когда кто-то в порыве творчества, размахивая руками, заедет неподготовленному зрителю локтем в нос, как это случилось у меня с Дмитрием.

Окрыленные первой удачей на ниве творческого труда, мы смело направились к купцам, расспрашивая, не собираются ли они в Чернигов. Отрицательный ответ нас несколько не смущал — я тут же принимался рассказывать им одну из заготовленных баек. Если купец в своих маршрутах посещает Волынь и Галичину, значит, шла байка про кого-то из нашего села, как пример удачливых переселенцев в казацкие земли, с убедительной просьбой передать привет родственникам или знакомым при очередном посещении этих мест. Если нет, то, в зависимости от характера купца, выдавал ему либо смешную и пикантную историю про католического священника, либо угрюмую и страшную.

Попутно мы нашли пару обозов, отправляющихся с утра в Чернигов. Выяснив у очередного купца условия найма, шли дальше. Предложения у всех были одинаковы, выработаны годами. За этот переход платилось по две серебруш-

ки на брата плюс харчи за счет нанимателя. Но нам был интересен сам процесс общения, поэтому мы продолжали расспросы.

Увлечшись творческим трудом, начал задумываться: а не сосредоточиться ли мне целиком на идеологической работе, раз это у меня так хорошо получается? Но жизнь в очередной раз подтвердила, что любое ноу-хау без силового сопровождения — не более чем пустое место. Любую деятельность, даже такую безобидную, как рассказ анекдотов, нужно защищать и доказывать свое право этим заниматься.

Какой-то новоявленный пан, из бывших бояр, переметнувшийся в католичество, шел по базару со своими двумя гайдуками. Привлеченный громким смехом и моим звучным голосом, начал прислушиваться к рассказу, а потом решил вступить за честь своей новой веры и ее священнослужителей.

— Как ты смеешь, лайдаку¹, такое рассказывать! — услышал одновременно с чувствительным тычком в плечи.

Поскольку меня многократно предупреждали, что за поединок с применением заточенной стали в черте Киева легко остаться без головы, а за мордобой в неустановленном месте получить батога, пришлось ограничиться словесной дуэлью. Первым делом обратился к слушавшим меня купцам:

— Добрые люди, а пойдите гукните стражу, вон она с того конца базара, скажите: бьют православных в Киеве, в стольном граде земли нашей, шляхтичи новоиспеченные. Считают, что закон не для них писан.

Народ ответил одобрительным гулом, теснее смыкая кольцо вокруг шляхтича и его гайдуков.

— А ты чего лезешь, пан, куда тебя не просят? — продолжил свою наступательную тактику, обращаясь к новому персонажу. — Стоят люди, балы точат, тебя не трогают, к себе не зовут. Ничего, сейчас виру князю заплатишь за то, что бучу поднял, тогда угомонишься. А встречу тебя за сте-

---

¹ Мерзавец, бездельник (укр.).

нами — тут держись, целым не уйдешь, и гайдуки твои тебе не помогут.

— Я тебя на шматки порубаю, шмаркач!

— Так, может, не будем ждать стражу, а пойдем за ворота — там и поговорим рядком, никто нам мешать не будет?

— А пойдем!

Оставив купцам для стражи пару медяков на пиво, чтобы не догоняла и не интересовалась особо, что тут приключилось, мы дружной пятеркой двинулись к воротам.

Три на два расклад не ахти, Дмитро откровенно мандражировал — ведь тупому ясно: без свидетелей ни о каком честном поединке речи быть не может. Один из гайдуков вызывал явное опасение: лет тридцати пяти от роду, легкостью движений он напоминал Ивана. Вместе с тем открытое лицо и пара неодобрительных взглядов, которые он бросил на своего пана во время нашего диспута, невольно располагали к себе. Я никак не мог придумать, как решить это противоречие.

Пан был фигурой представительный, по объемам напоминавший Василия Кривоступку, моего давнишнего соперника в кулачном поединке. Доспех у пана был не хуже нашего, на польский манер: глухая кираса защищала грудь и спину, под ней кольчуга, наручи и прочие железяки в положенных местах. Его гайдуки тоже шли не голые и не босые — кожаный доспех с нашитыми бляхами и шлем на голове был у каждого. Так что, если трезво оценивать наши силы, никаких шансов в рубке у нас не было. Недаром Дмитро шел как в воду опущенный, проклинал, видно, тот день, когда со мной связался.

Но как правильно говорил капитан одного судна, «еще не вечер», да и маменька моя новая научила меня одной мудрости — помню, дрожь меня от ее науки взяла: «Всегда помни: любого легко убить, если подобрался близко».

Как только мы вышли из ворот, вклинился по правую руку от шляхтича, между ним и его старшим гайдуком. Дмитро с младшим гайдуком, неприятным типом, который щелью между передними зубами и вытянутыми вперед скулами лица напоминал большую крысу, вставшую на задние лапы, пристроились во второй шеренге.

Еще когда мы выбирались из города отдельно, шепнул Дмитру, что по моей команде нужно будет сразу бить того, кто рядом, кулаком в горло. Командой будет, когда громко скажу слово «кабан».

Дорога шла по совершенно открытой, очищенной от деревьев и кустарника местности. Невдалеке виднелся лес: возле Киева лесов много. Навскидку от стен до нужного нам всем леска по прямой было чуть больше километра. Пока мы шли, старался заболтать противника, агитируя его бросить свою скучную жизнь и вступать к нам, в казаки.

— Ну что нам делить с тобой, пан? Ты погорячился, я погорячился, а святую римскую церковь у нас все уважают, так что не держи обиды, пан, а лучше вступай в казаки. Вот где жизнь! Вот где воля! Ты подумай сам, ну сколько ты с бедных селян возьмешь? А мы за прошлый год по двадцать пять золотых монет на брата добыли!

Эту мысль, со всевозможными вариациями и подробным описанием награбленного, повторял вновь и вновь, аж самому надоело. Пан угрюмо молчал и не хотел идти на мировую, но мои разглагольствования его полностью расслабили, он вообще перестал обращать на меня внимание. С его точки зрения, все было понятно: главное — дойти до леса, порубить наглицов и обобрать. Одни доспехи были знатной добычей, а разговоры про немереное количество золота, которое можно ожидать в наших поясах, придавали его круглому и лоснящемуся лицу довольное и мечтательное выражение. Гайдук — наоборот, чем больше я трещал, тем озабоченнее становился, с неудовольствием поглядывая на расслабленного хозяина и плотнее прижимаясь ко мне, контролируя мою правую руку.

С точки зрения человека, привыкшего, что руку перед ударом нужно вооружить острым железным предметом, он все делал правильно, но это делало и его, и мечтательного пана совершенно не готовыми к атаке голыми руками, которую они подсознательно игнорировали. Во-первых, кулаками бьются только холопы, во-вторых, ну посадишь ты кулаком синяк под глазом, на окончательный диагноз это не повлияет, и ставить его будут совершенно другими инст-

рументами. Так стоит ли обращать внимание на разные мелочи, ведь их так много вокруг нас?

Дорога тем временем начала заворачивать за невысокий пологий горбок, который даже не закрывал крепостных стен, но скрыл нас от глаз стражи на воротах.

— Смотрите, кабан! — громко воскликнул я, прерывая свое монотонное бурчание, вытянув вперед обе руки, указывая на недалекий лес.

Все невольно перевели взгляд в указанном направлении. Стремительно разводя руки в разные стороны, врезал ребрами ладоней по открытым шеям стоящих рядом соперников.

Можно было проводить удар и снизу, но гайдук был настороже и на любое движение руки среагировал бы как на угрозу. А так внимание отвлек, безоружные руки продемонстрировал, а на последующее движение правильно среагировать невозможно. Максимум — неподготовленный человек попытается откинуться назад, если успеет среагировать, еще больше открывая шею и не успевая уйти от руки. Это безусловный рефлекс. Условный — на удар противника не отклоняться, а наклонить вперед голову, пряча подбородок и шею, подставляя под удар лоб и скулы, — тренер по боксу выработывал у нас целый год, специально уделяя этому упражнению внимание на тренировках и переламаывая естественную для нормального человека реакцию отклонить голову и корпус назад.

Левой пану в горло удар вышел как надо, аж хрустнуло что-то под ребром ладони. Правой — не столь удачно. Гайдук не поддался на провокацию или среагировал чуть раньше и начал поворачиваться в мою сторону. Удар вышел не прямо по кадыку, а чуть косо, что, впрочем, вывело его из игры на некоторое время. Развернувшись назад, отметил, что Дмитра рано взяли в казаки. Вместо того чтобы разбираться с соперником, он, как все, таранился глазами в лес, пытаясь разглядеть там кабана. Как будто бы мы дружной компанией на охоту вышли. Лишь после того как началась схватка, он сообразил, что к чему. Когда я повернулся, он как раз умудрился обхватить Крысу сзади руками и кричал дурным голосом:

— Бей его, Богдан!

Крыса сразу сильно ломанул ему шлемом в лицо, откидывая голову назад, но это был его первый и последний успех. Его удар ногой мне в промежность я встретил опущенным кулаком левой руки, а пальцами правой, не церемонясь, сильно ударил в глаза, пока он выхватывал кинжал. От болевого шока гайдук потерял сознание и упал на землю. Дмитро был от удара шлемом в состоянии, которое мой тренер любовно называл состоянием грогги.

Теперь уже, по прошествии многих лет, когда фигура тренера перестала казаться идеалом, на который ты старался равняться, мне подумалось, что это, наверное, единственное иностранное слово, которое он знал, поэтому так его любил. Пан хрипел на земле, но помирать не собирался. На ногах оставался только опасный гайдук. На всякий случай врезал ему сзади сапогом под колено опорной ноги и сунул нож под подбородок, чтобы острота этого предмета ощущалась кожей шеи. Можно было начинать предметный разговор.

— Понравился ты мне, гайдук, не хочу тебя убивать, но тут не от меня — от тебя много зависит. Даешь мне слово, что пока чудить не будешь, — тогда пойдем в лесок дальше толковать, тут посреди дороги помешать нам могут.

— Знал я, что не прост ты, казачок, да недоглядел. Ишь, как хитро ты нас с паном ударил, даже я не знал, что так можно. Думал, ножом нас резать будешь, а ты нас голыми руками положил. Ну что ж, пойдем потолкуем, слово даю, что руки против вас пока не подыму. Ну а дальше — то уж как Бог даст. — Говорил он еще с хрипотцой, но на удивление быстро отошел от удара в шею.

— Дмитро, снимай пояса с пана и с молодого, руки им сзади скрути и на ноги ставь, а ты помогай, гайдук, не стой без дела, пояс свой мне давай, чтобы не мешал тебе.

— Так вроде до сего дня он мне особо не мешал, и слова я своего пока не рушил... — Гайдуку рвала душу идея своими руками отдать мне наточенные железяки.

— Снимай, гайдук, не журись, сдается мне, скоро назад его получишь. А пока он тебе только мешать будет: из-за него дурные мысли в голову прийти могут.

Отобрав у гайдука пояс, подошел к пану, который про-

должал хрипеть. Поскольку к нему у меня были вопросы, постарался залезть ему двумя пальцами в горло и поправить хрящи кадыка на место. Мне удалось кое-что сделать, пока пан не начал блевать и не прервал мои попытки восстановить первоначальную структуру хрящей.

— Ты, гайдук, пану помогай, а ты, Дмитро, Крысе дорогу показывай — не видит он пока, сердешный. Вон тропинка напрямиком к лесу ведет, по ней и пойдем, нечего нам на дороге маячить.

Ситуация складывалась невеселая. Схватку-то мы, конечно, выиграли, что не могло не радовать, но любой суд нас укоротит на голову. А вот как не попасть на суд — тут надо было хорошо подумать, и без помощи гайдука это было несколько проблематично. Того, что некоторые товарищи стали передвигаться с трудом и с посторонней помощью, от киевских ворот уже было незаметно.

Без приключений мы добрались до леска. Гайдук усадил увечного пана под дерево, тот с трудом дышал. Видимо, из-за сломанного кадыка начинался отек горла. Если бы не моя «скорая помощь», уже бы помер, а так еще дышит. Оставалось надеяться, что мне удастся задать ему пару вопросов.

Подойдя к молодому, которого придерживал Дмитро, воткнул ему в глаз кинжал и попросил Дмитра снять одежду с трупа. Вытерши руку и кинжал о траву, пошел беседовать с гайдуком. Моя бессердечность его неприятно удивила. Он стоял напряженный, не зная, чего от меня дальше ожидать. Отведя его на другой конец поляны, широким жестом протянул ему его пояс, демонстрируя полное доверие. Затем попытался описать нашу ситуацию, как она мне видится:

— Врать тебе, гайдук, не буду. У тебя теперь две дороги. Одна — в могилу, другая — в казаки. Что ты выберешь, решай сам. В любом случае я тебя сейчас отпущу, пойдешь в корчму — надо коней и вещи ваши забирать, а потом сюда доставить. Разделим все по совести, на троих. Приведешь стражу с собой — на муку пойду, но клясться буду, что ты нас на то подбил, что подельщик ты наш, так что думай добре и не ошибись. Если решишь казаком стать, скажу, куда

тебе ехать и какое слово кому сказать. Жить можешь католиком, никто слова тебе не скажет, а захочешь казаком стать — придется перекреститься. В казаки только православных берут. Думай добре, потом мне свое слово скажешь.

— А ты смелый, казачок. Не боишься мне зброю¹ отдавать? Пан мой живой пока, а вдруг захочу его освободить, за дружка своего отомстить? — Он сделал шаг назад, чуть пригнулся, положил ладонь правой руки на эфес сабли, разом становясь похожим на большую хищную кошку перед прыжком.

— Помрет твой пан скоро — пытался я ему горло вправить на место, да нет толку. Скоро опухнет там все, и задуха его задушит. Ну а Крысе той, что я упокоил, серый волк дружком мог быть, и то вряд ли. Нет у тебя, гайдук, причин на меня саблю подымать. Хотя одна есть. Обидно тебе, что я тебя побил, небитый ты был до сего дня. Ну, так за одного битого двух небитых дают, так что ты мне еще одного такого, как ты, гайдука привести должен. А руку с сабли забери, не маленький, знать должен, что вызов на поединок то означает.

Дмитро, напряженный, как струна, слыша наш разговор, уже подтянулся и стал слева и чуть сзади от меня.

— А я и хочу тебя вызвать, казачок: ты меня обманом побил — посмотрим, каков ты в честном бою!

— Тут загвоздочка одна есть. Твой пан нас тоже не на честный бой в лес вел. И ты, по его приказу, нас бы сзади рубил, про честный бой не думал. Так что ты из себя лыцаря не строй, рожей пока не вышел. И честного боя со мной ты пока не заслужил. Рубить тебя будем, если биться надумаешь, мы с Дмитрием в четыре руки. А вот когда станешь казаком, то на палках завсегда со мной побиться сможешь. Тут даже разрешения атамана не надо. А расскажешь атаману, какая у тебя кручина, что не можешь жить с душевной раной и побитой мордой, — может, разрешит тебе со мной в поединке биться. Так что решай, гайдук, с нами ты иль против нас.

---

¹ Оружие, доспехи (укр.).

— Боишься, значит, со мной на бой выйти. Дружка в помощь привел. Думаешь, поможет он тебе. А что боишься, ты ты правильно делаешь. Ладно, казачок, не буду тебя сегодня рубить, ты мне сегодня жизнь подарил, хоть не просил я тебя об этом, а все равно должок за мной есть. Но ничего, жизнь длинная, может, отдам должок и заслужу у тебя честный бой. А пока давай о наших делах толковать. Там, в корчме, еще двое гайдуков, пан их паковать коней и воза оставил. С ними что будем делать?

— А что за люди, что про них сказать можешь?

— Один из них товарищ мой, вместе мы пану служили верой и правдой, да ответил нам на то пан обидой. Не хотели мы в католиков креститься, но сказал пан — или в холопы, или в католики. Поскрипели мы зубами, но что делать: куда собака — туда и хвост. Но он, паскуда, заставил и жену и детей перекрестить. — Гайдук заскрипел зубами, его лицо перекошилось. — Уже больше года как жизни нет. Домой прихожу как в чужой дом, жена не глянет — и молчит, за год слова не сказала. Сначала бил, но потом вижу, забью до смерти, детей сиротами оставляю. Второй год уже смерти ищу, но не идет ко мне старуха с косою. За товарища своего головой ручаюсь, пойдет в казаки со мной — хоть не так у него, как у меня, а тоже почернел за этот год.

— А что ж ты раньше в казаки не сбежал, герой? Целый год жену лупил и зубами скрипел, а уехать от пана смелости не хватило?

— Поглядел бы я на тебя, какой бы ты смелый был, если на тебе и жена и дети...

— Так теперь все одно придется с ними тикать. Какая разница?

— А такая! Теперь другого пути нет, значит. И думать нечего!

Порой логика людей или ее подобие, которыми они аргументируют свою инертность и страх менять теплое, сытое место, способны довести до белого каления, но от этого ничто не меняется. Вещи и события нужно принимать такими, какие они есть, а не такими, какими они могли бы быть в наших мечтах, и работать с тем, что есть, а не с тем, что ты нарисовал на кульмане. Теперь мне стала понятна

его агрессивность и близкое к суициду желание броситься под сабли.

— Ладно, с товарищем твоим понятно, ну а второй кто?

— Курвый сын он! Как стал католиком, так и пнетя везде показать, что он лучше других. Слышал бы он твои байки — там бы, в Киеве, бучу с тобой устроил!

— С этим тоже все ясно. Послушает он тебя, если скажешь коней и воза к Киеву гнать?

— А как не послушает, если я скажу — пан меня наперед послал, за конями.

— А им чего за тобой ехать, бери коней да и езжай?

— Так скажу, воза надо, не рассчитали мы, товару много пан набрал, догружать надо.

— А за корчму пан уже рассчитался?

— Да, с утра еще корчмарю монет за все отсыпал.

Вроде все выглядело логично. Прикинув, что к его корчме минут десять ходу — пока выедут, пока доедут, есть полчаса в запасе, — отправил его в корчму. Дал указание, чтобы его друг, который будет править возом, не кричал и не дергался, если вдруг что увидит. Дальше принялся выпытывать у пана подробности политической жизни в этом княжестве, в этом варианте параллельной вселенной. Вначале пан начал качать права, грозить мне всяческими судами и казнями, если его немедленно не отпущу. Состояние пана стабилизировалось, умирать он не собирался — видно, хорошо ему горло починил. Пришлось вывернуть пану мизинец из сустава, а потом вправить на место. Это у меня получилось. После того как вправил палец обратно, у него перестали вылезать глаза из орбит и он перестал мычать заткнутым ртом. Вытащив кляп изо рта, в этот раз получил от него более содержательные ответы на свои вопросы.

Оказалось, события пошли здесь несколько иначе. Крестил Литву Ягайло в конце восемьдесят восьмого, а не в восемьдесят седьмом. Кревская уния тоже была заключена на год позже — в одна тысяча триста восемьдесят шестом году. Князья вроде везде были на месте те же, что и у нас. Что с Витовтом, он не знал, но знал, что тот выступил уже против Ягайла, это все обсуждали. Похода на Гродно пока не было, а в нашей истории он был в девяностом организован Ягай-

лом, чтобы усмирить Витовта. С другой стороны, Новый год тут весной будут отмечать, так что впереди еще целая зима. И киевский, и черниговский князья посылали свои войска под Гродно против Витовта, так что при правильной агентурной работе мы этих событий не пропустим. Из того, что пан знал о событиях на востоке, все совпадало с моими сведениями. Тут контрольная точка — будущий год. Если Тимур начнет войну с Тохтамышем, значит, можно ориентироваться на известную мне хронологию.

В Литовском княжестве тоже все шло по старой канве, небольшие временные нестыковки на общие тенденции не влияли, значит, с небольшим временным опозданием события будут повторяться. Главное, следить за реперными точками.

Поскольку полезность пана приблизилась к нулю, быстро воткнул ему кинжал в глаз, чтобы он не успел расстроиться оттого, что его жизни лишают. Как мне показалось, он и понять ничего не успел, впрочем, как и Дмитро, который решил выразить свое неудовольствие тем, что я режу пленных без его согласия, весьма оригинальным вопросом, заданным с явной издевкой:

— Что ты все время людям в глаз нож суешь? Это тебя так святой Илья научил?

— Дмитро, если я что не так делаю, так научи меня, неразумного. Тут сейчас по дороге гайдук будет ехать, его упокоить нужно. Но так, чтоб он не крикнул, ведро крови на дорогу не вылить, чтобы он с коня на землю не упал. А потом его с конем сразу в лес увести нужно. Вот ты сейчас мне покажешь, как это сделать, а я постою и посмотрю.

— Да ты не серчай, Богдан, то я так шуткую.

— А я не шуткую — иди гайдука резать, посмотрим, что у тебя выйдет.

— Не, у тебя на земле ловчей биться выходит, не справлюсь я. Ты мне кажи, что делать, я у тебя на подхвате буду. Кабы с коня, так я б его раз-два и завалил, а с земли несподручно мне биться.

— Тогда первым делом, Дмитро, ты меня дурницы не спрашивай. Аль сам не кумекаешь, что если в глаз бить, то кровью вещи не заляпаешь, а куда с окровавленными ве-

щами ехать: как найдут, так и повесят нас сразу на первом суку.

Так жизнерадостно шутя друг над другом, мы подошли к дороге. Поставив Дмитра в тридцати метрах от себя, дал ему следующие инструкции. Как только оба конных всадника минуют дерево, за которым я спрятался, он выходит на дорогу. Медленно идет им навстречу и смотрит, что дальше будет, а потом уходит обратно в лес на поляну раздевать пана и считать, сколько монет у того в поясе запряжено.

Особенно настаивал на том, чтобы он не считал ворон и не искал кабанов в чаще леса, а внимательно следил за всадниками и моим деревом. Для этого стал с противоположной стороны дороги, чтобы ему проще было наблюдать. Доспех и шлем оставил на поляне, был вооружен только кинжалом. Пока мы ожидали, мимо нас прокатилась пара возов и проскакало несколько всадников. Но выбранный мной участок дороги был извилист, вероятность обойтись без лишних свидетелей была высока. А там как Бог даст.

Наконец появились нужные нам люди. Впереди ехала потенциальная жертва разбойничьего нападения, сзади и с противоположной от меня стороны дороги — наш знакомый гайдук, ведущий в поводу еще двух оседланных коней, а немного отстав от них, ехал запряженный парой коней воз. Передний гайдук двигался по центру дороги, сторожко оглядывая прилегающую местность. Видимо, столь радикальное изменение планов хозяина вызвало у него подозрение.

Формально придаться ему было не к чему, а подсознательно человек чувствует, что нечисто вокруг, вот и обостряются все органы восприятия. Работать будет трудно, но выбирать не приходится — никто за нас нашей работы не сделает. Как только всадники проехали мое дерево, из лесу на дорогу вышел Дмитро, медленно направившись им навстречу.

Пока плохой гайдук рассматривал его и окрестности на предмет потенциальных угроз, я вышел на дорогу сзади них, быстро подбежал к лошади клиента, в прыжке заско-

чил ей на спину и тесно прижался к широкой спине гайдука. Он пытался дернуться и ударить меня шлемом в лицо, но, подставив лоб, сам ударил его кинжалом в правый глаз. Удар вышел сильным. Узкий клинок, пройдя насквозь и пробив череп, остановился, упершись в шлем.

Перехватив поводья, повернул коня в лес, на нашу поляну. Жертва проявила редкое жизнелюбие — неожиданно для всех она ожила, начала орать и пытаться вытащить кинжал из своего глаза. Такое иногда бывает, когда клинок минует жизненно важные центры. Вот тогда я понял, почему нужно носить с собой столько ножей. Выхватив нож из-за голенища сапога, сунул его гайдуку в левый глаз. Такого издевательства он пережить не смог и затих.

Вот как удачно пригодился ножик, которым старый казак мне в горло метил и чуть было не попал. По совету старших товарищей, что такое оружие удачу приносит, приспособил его на левый сапог, так как за правым у меня уже один был.

Все-таки симметрия — это большая сила. Впервые я это понял, когда теорию групп в университете изучал, а сегодня сама жизнь подтвердила этот вывод с неодолимой очевидностью. Какими причудливыми нитями вплетена математика в ткань мироздания, и какими неисповедимыми путями являет она нам себя во всей своей красе...

К сожалению, времени подумать о высоком, как всегда, не хватало. Странно, но по жизни обратил внимание на один любопытный факт. Всегда, когда тебе приходят в голову мысли о вечном, проза повседневности не дает додумать их до конца. А вот когда думаешь о какой-то ерунде, часами ничто не тревожит плавного потока твоих мыслей.

— Гайдук, а что твой товарищ делает?

— Стоит на дороге, нас ждет.

— Езжай к нему, скажи — пусть не торчит тут, как тополь на Плющихе, а едет медленно, но не в Киев, а по окружной дороге к Южным воротам. Мы его по пути догоним — там и решим, кто куда поедет и на чем. Если есть там торбы пустые или мешки у него на возу, возьми сюда, нам тоже паковать надо.

Приехав на полянку, сосчитали добычу и начали делить.

Тут сразу проявились фундаментальные расхождения в понимании термина «добыча» между разными договаривающимися сторонами. Гайдук никак не хотел понимать или делал вид, что не понимает, что их оружие, кони и доспехи — это тоже наша добыча.

— Слушай, как тебя кличут, а то все «гайдук» да «гайдук», а ты уже и не гайдук получаешься.

— Ярославом мать кличет.

— Вот гляди, Ярослав, доспехи и зброя на тебе панские?

— Панские.

— А теперь твои стали — хочешь пропей, хочешь продай, — а у меня ничего от твоего пана нету. Если мы на троих делим, то и мне, и Дмитру доспех положен и зброя. Понял теперь?

— Ну, понял. А с доспехом Павла как быть?

— Твой теперь это доспех, как с Павлом решишь — так и будет. Или монетой тебе отдаст, когда заработает, или забережь у него и доспех, и коня.

— Ну, ты, казачок, и считаешь, чисто как жид в лавке: никто ничего не поймет, но все знают, что их надурили.

— Богданом меня кличут, Ярослав. Ежели считаю не так, как бы ты хотел, так тут извини. Ты решил Павла в товарищи брать, но мы на троих делим: то, что на нем надето, нами добыто, — он к тому рук не прикладывал. А если ты добрым за мой счет хочешь быть, так не ты первый, Ярослав. У нас все добрые, пока не с их кошеля за то плачено.

После устранения гносеологических проблем дело пошло веселее. Их пара доспехов с оружием пошла против трех, что с убитых сняли, панский за два комплекта пошел, ну да он того стоил. Их пара лошадей — за четверку оставшихся, лишние седла поменяли на возы, монеты разделили, треть отдали Ярославу.

Барахло, купленное паном, должен был оценить Павло — он с паном все покупал и в устном счете силен. Мы договорились с Ярославом, что весь товар забираем себе, выкупая дешевле на пятую часть от цены, а Ярославу его часть, после оценки товара, отдаем монетами. Хоть оно нам тоже ни к селу ни к городу, но ребятам еще семьи собрать и к казакам добраться нужно, так что на том и поре-

шили. Двадцать процентов скидки, которые выторговал у Ярослава за оптовую закупку, вполне достаточно, тем более что половина товара в пиве и вине. Товар легко реализуемый и пользующийся во все времена устойчивым спросом.

Все текущие вопросы были решены. Оттащив трупы с поляны поглубже в лес, отправил их догонять возы, а сам начал тренироваться в отсекании голов. А то что я за казак, если не могу саблей снять голову с плеч? Решил затруднить расследование того, что произошло, и опознание трупов, если на них кто в лесу случайно наткнется. С точки зрения обитателя этого времени, занимался чистой ерундой: никто над такими мелочами даже не задумывался.

Хорошо, что зрителей отправил, потому что такой позорной рубки саблей никому показывать нельзя. Теоретически мне было известно, что во время удара саблю нужно протягивать, чтобы она рубила, но теория и практика дружат только после литров пролитого пота. Засунув с таким трудом отрубленные головы в мешок, отъехал подальше, нашел глубокий овраг, вырытый ручьем, куда и покидал головы.

Выбравшись обратно на дорогу, пришпорил коня и помчался догонять своих подельщиков. Они медленно двигались рядом с возом по окружной дороге, а Ярослав растолковывал Павлу, что с ними приключилось и какой неожиданный зигзаг удачи встретился им сегодня. По мрачной физиономии Павла было видно: его душа поет, освободившись от постылого ярма панской власти и навязанного католицизма.

Времени на длительную дискуссию о том, что все нужно было делать не так, не сегодня и в другой компании, которую так любят заводить наши люди после того, как ничего изменить уже нельзя, катастрофически не было, поэтому попытался ускорить обсуждение проблемы.

— Павло, скажу тебе, как оно есть на самом деле. Либо ты садишься на коня, вместе с Ярославом берешь свою семью и едешь к казакам, либо я тебя сейчас убью — и он поедет сам, только доспех с тебя снимет, бо то его доспех. Решай быстро, времени на балачки у меня нет.

— Ты, казачок, иди жаб палкой погоняй да сто казанов каши съешь, а потом, может быть, тебе меня побить удасться!

Все, что Павло хотел, но боялся высказать Ярославу, который был для него авторитет, он решил сказать мне, будучи со мной не знакомым. В доспехе и шлеме узнать убийцу с дороги было непросто. Весело рассмеявшись такой откровенной грубости, обратился к Ярославу:

— Ярослав, у тебя времени — пока я до десяти досчитаю. Если твой товарищ не вылезет с воза и не сядет на коня, будешь с него доспех снимать.

Левой рукой тихонько вытащил из сапога ножичек, который мне сегодня так пригодился. Совсем недавно обнаружился еще один талант Богдана, в котором он не признавался: мы мастерски мечем ножи левой рукой. Случайно обнаружил. Бросил, задумавшись, нож в дерево левой рукой — а он взял и воткнулся. Бросил еще раз — результат тот же. Десять раз бросал, пока не понял, что это не случайность, а закономерность.

Ничего не мог понять. Ножей никогда не метал ни левой, ни правой. Только вспомнилось, когда на круге мне имя Шульга давали, кто-то из казаков сказал, что Богдан ножи левой рукой бросает. Добраться до его умений оказалось несложно — оно в двигательной памяти: стоило бросить нож левой рукой, как тело само вспомнило все навыки.

Попасть в лицо ножом с пяти метров не проблема, а выжить после такого попадания проблема очень большая. Но, к счастью, все решилось без ненужного кровопролития. Ярослав очень доходчиво, с использованием всех доступных ему языковых средств, убедил Павла пересесть на лошадь, которую он для него держал в поводу. Быстро выяснив у Павла, сколько стоит товар в телеге, отсчитал Ярославу положенные ему монеты.

Еще раз повторил ему, кого искать в Черкассах и на кого ссылаться, заверил его, что дальше их доставят на место без проблем. Дозоры уже смешанные должны ездить, кого-то из нашей деревни найдут, а там атаман поможет устроиться. Гайдуки поскакали забирать свои семьи и перебираться

в казацкие земли, а мы с Дмитрием поехали дальше по дороге вокруг Киева к нашей корчме.

Нам ума хватило не заезжать в нее со всем этим добром, поэтому завернули в соседнюю корчму. Пристроив наш воз под навес, а новых коней в конюшню, дали пару медяков хозяину и отправили того готовить ужин, сказав, что сейчас вернемся. Сами побежали бегом к нашей корчме, несмотря на острое желание немедленно бросить что-то за ребра. Там сидели хмурые товарищи и молча пили пиво.

На наше появление они отреагировали мрачным вопросом, где нас так долго носило и кто Дмитрию морду набил. Не отвечая по существу, заказали у корчмаря еды нам с Дмитрием, доложили, что несколько купцов отправляются завтра в Чернигов и согласились нас взять. Платят по две серебряшки на нос, кормят со своего котла. Завтра с утра все соберутся возле паромной переправы, будут на левый берег двигать, там и договорились встретиться. Затем осторожно поинтересовались, чего они узнали нового. Оказалось, что ничего нового они не узнали, но объяснили они это такими словами, что я узнал много нового о характерных для этого времени идиомах и сравнениях, а также об их использовании в художественном слого.

Если коротко подытожить услышанный рассказ, то получалось следующее. Отыскать нужное строение труда не составило. Весь постоянный двор был занят польской делегацией. Было их от тридцати до сорока человек. Такая свита мелкой сошке не по карману будет, так что приехала особа достаточно крупная. Вот и все, что удалось узнать. Все попытки наладить взаимоотношения с приехавшими закончились неудачей — им заявили, что в услугах наемников тут никто не нуждается, а если они будут в таковых нуждаться, то найдут способ об этом сообщить казакам. Ненавязчивый допрос персонала постоянного двора в нейтральном месте тоже ничего не прояснил. Главный пан из Кракова ни с кем ничего не обсуждал, только часто принимал и отправлял гонцов. Потратив полдня впустую, они злые вернулись в корчму.

Все это было очень подозрительно и нехарактерно для этой эпохи. Тут народ, перед тем как идти в поход, сначала

полгода об этом кричит при каждом удобном случае. Потом, глядишь, или дома останется, передумает, или еще на полгода отодвинет это мероприятие.

Желание и предпринятые попытки сохранить в тайне суть переговоров говорили о внутривосточной теме, которую обсуждали высокие стороны. А поскольку в стране существовало только два полюса — Ягайло и Витовт, — данные переговоры могли иметь лишь одну цель: склонить киевского князя на сторону Ягайла, что в нашей истории имело место быть. Дружина киевская принимала участие в походе на Гродно. Намечалась перспективная тема для агентурной работы. Знания о том, что затевается, были нужны для лучшего понимания дальнейшего развития событий.

После того как народ немного выговорился под хмельные напитки, а мы с Дмитрием, под аккомпанемент их ненормативной лексики, заморили червячка, принялись и мы рассказывать о последних событиях в жанре юмористического приключенческого рассказа. Основную часть работы языком пришлось выполнять мне, Дмитрию в основном поддакивал. Внимание акцентировал на том, каких двух бойцов мы в казаки завербовали и какую хорошую добычу взяли на всю нашу компанию. А лишняя добыча карман не жмет. Но народ юмора не заметил.

— Ты мне скажи, Богдан: ты что — Ирод? Тебя что, в клетке держать, как зверя дикого, чтоб ты на людей не бросался? Ты думаешь, мне не хотелось ляхов порубить на том дворе, которые нас в спину гнали? Но я же терпел! И Сулим с Давидом зубами скрипели, но терпели! Тебя панок в спину толкнул, а ты троих зарезал, как курчат, даже не подумал — может, миром все решить можно! А то ведь христианские души были, Богдан, — католики, а все одно в Христа веруют.

— Кому-то другому, Иван, я бы такие слова запомнил, но на тебя обиды не держу. Сейчас атаман ты мой походный: провинился — можешь мне голову срубить. Только и Дмитрию не даст соврать, не хотел я бучи той. Как мог панка успокаивал. Но позарился он на доспехи наши — мы с Дмитрием как хлопчики против него и его гайдуков были.

Вел он нас в лесок на расправу и миром решать ничего не хотел. Я пойду сбегая в корчму, где мы добычу оставили, нам там сегодня ночевать надо, чтобы корчмарь не подумал чего, а вы Дмитра еще расспросите, как дело было. Вернусь — дальше толковать будем.

Выйдя из корчмы, быстро направился к соседу — смысла особого в этом не было, но хотелось, чтобы народ немного без меня эту ситуацию обговорил и маленько успокоился. По большому счету, Иван был прав: нужно было мне найти способ миром решить дело. Если бы не гайдук, ситуация могла быть очень непростой.

Представим себе, что заартачился гайдук, зарубили его. Что делать дальше? Даже имея после допроса кого-то из первой троицы полный расклад, как выманить оставшихся двух гайдуков с лошадьми и возом из корчмы? Значит, пришлось бы резать их прямо на месте, в корчме, вместе со всеми свидетелями. Народу сейчас много не ездит — если бы повезло, никого лишнего, кроме корчмаря и его семьи, убивать не пришлось. Обычная корчма, это чисто семейный бизнес. Потом корчму закрыть и уехать, так что выкрутиться всегда можно, но настроение было бы испорчено надолго. А если бы там дети малые? Да и князь такого бы не спустил, расследование назначил. А там выйти на нас ни ума, ни удачи не надо, только расспроси купцов внимательно...

Оставлять тех двоих гайдуков — значит, завтра на веревке болтаться. Не приедет пан в корчму — подымут крик, все вспомнят, кто и с кем за ворота пошел, какие слова при этом говорил. Оставаться стражу ждать на базаре — тоже приятного мало: пан к князю на суд потянет, начнет брехать, что на римскую церковь клеветал, так и под топор палача угодить можно. Князь киевский тоже католичество принял, паскуда.

Был только один способ решить дело миром. Когда к воротам шли, дать стрекача в другую сторону и покрыть себя позором. Даже если бы Дмитро молчал, весь бы город зубоскалил, как казаки от пана тикали. Или так до наших дошло бы, или завтра купцы над нами потешались. А от такого уже не отмоешься. Куда ни кинь, всюду клин. И в деся-

тый раз у меня выходило, что без драки ситуация не решалась. Уж больно пану нас порубить захотелось.

Корчмарь встретил меня в зале и сразу усадил за стол.

— Что у тебя сегодня на вечерю?

— Каша с мясом, есть холодец, копченое сало, мясо, пироги с капустой, если пан хочет, жонка еще сготовит, что пан скажет. А кто панского товарища так побил, что лицо у него распухло?

— Я и побил.

— А за что паны повздорили?

— Спрашивал меня дурницы всякие, вот и получил в ухо.

— А куда паны путь держат?

— На кудыкину гору. Завтра с утра отправляемся, смотри, чтобы кони готовы были. Овса не жалея, понял?

— Понял, понял! А что, пан товар на продажу везет или для себя купил?

— Как тебя зовут, хозяин?

— Лазарем люди кличут, молодой пан.

— Слыхал ли ты, Лазарь, что Спаситель наш, будучи на земле, Лазаря из мертвых воскресил?

— Знаю, знаю, панночку!

— Так вот, Лазарь, Спаситель сейчас на небесах, когда на землю следующий раз придет, никто не знает, если будешь много вопросов задавать — воскрешать тебя некому будет, так и помрешь. Понял?

— Понял, понял. Как молодой пан умно шуткует, и Святое Писание знает. Кто ж учил молодого пана?

Стало ясно: нужно возвращаться. Еще одной неожиданной добычи, которая так и просилась на ножик, и моей радости по этому поводу никто не поймет. А счастье — это когда тебя понимают. Так в одном старом добром кинофильме ответил мальчишка на вопрос: «Что такое счастье?» Прожив после этого уже много-много лет, не услышал я более точного и емкого определения, чем эта простая фраза. А чтобы самому придумать... скромнее надо быть.

— Мы с товарищем скоро вернемся, чтобы вечеря была подогрета, бо заплатим тебе такой монетой, никто у тебя ее

обратно не возьмет. И ради своих детей поверь мне, Лазарь, я с тобой не шуткую.

Пока он не успел открыть рот, я выскочил из корчмы на свежий воздух и побежал обратно к товариществу. Что-то неправильное чудилось мне в этом корчмаре, его притворная лесть и угодливость скрывала безнаказанную наглость, которая иногда проблескивала в его глубоко посаженных глазах, всегда смотрящих в сторону. Так ведет себя урка, мелкая шестерка, которого прикрывает влиятельная компания. Надо еще кого-то умного и старшего на него натравить — пусть пообщается. По жизненному опыту знаю: если с первого взгляда человека хочется придушить, жди от него беды.

Зайдя в корчму и глядя на довольные рожи, понял, что придумали все же казаки гадость какую-то на мою голову.

— Ну что, братцы, решили, как меня карать? Говорите сразу, что со мной будет, не мучайте.

— Врать не буду, Богдан. Хотел я тебя сперва вместе с твоей новой добычей обратно в село отправить, но заступились за тебя казаки. Так как нам Дмитро тут поведал — таки пан бучу учинил и на мировую идти не хотел. Поэтому Сулим лучше меня придумал. Все беды у тебя от твоего языка.

— Неужто отрежете? — спросил я с ужасом в голосе.

От громкого хохота, казалось, зашатались стены корчмы, и только массивная мебель, сотворенная мастеровым народом из толстых колотых досок, искусно выровненных с помощью топора, незыблемая как мироздание, равнодушно реагировала на эти раскаты. Встревоженный хозяин вбежал в зал, окинул все оценивающим взглядом и убежал обратно подслушивать — видно, казаки его из зала прогнали. Вытерев слезы, Иван продолжил:

— Надо бы было, да скучный поход выйдет без твоего языка. Но решили мы так. Или ты слово нам даешь, что до конца похода ни с кем из чужих людей словом не перекинешься, только с нами говорить можешь, когда рядом никого нет, — или езжай обратно в село.

Нашли варвары, как достать до печенок: вся моя пропагандистская кампания накрывалась медным тазиком, а не-

грамотные в информационных войнах казаки выбивали из моих рук самое мощное оружие. Надо было что-то делать.

— Хорошо, я дам слово, если вы дадите мне слово, что будете вместо меня с чужими людьми говорить.

— Что-то я не пойму, чего ты хочешь, Богдан.

— Вот к примеру. Хочу я в Киеве в Лавру пойти, а дороги не знаю. Тогда тебе, Иван, говорю: спроси дорогу, — а ты вместо меня спрашиваешь.

— Так чего ее спрашивать — Лавру отовсюду видно.

— Это я к примеру говорю. Если купить чего на базаре захочу, скажу: Иван, поторгуйся за тот топор, — значит, будешь вместо меня торговаться; или в корчме мне отхожее место надо — значит, будешь вместо меня дорогу туда спрашивать.

— Ладно, Богдан, хочешь ты нас с уговора сбить, но не выйдет у тебя: будем вместо тебя с другими толковать, потерпим до конца похода, даем тебе слово.

— Значит, и я до конца похода с чужими больше не заговорю. В том вам слово даю.

Иван на меня подозрительно смотрел, а я мысленно улыбался: теперь вы, ребята, будете вместо меня продолжать информационную борьбу. Первым делом выпив пива, спел им думу о казаке Кериме Вывыноги. Потрясенный народ молчал, а мне пришлось тонко намекнуть — это святой Илья помог думу про Керима сочинить.

Народ вызвал меня на бис, а поскольку мозги в эту эпоху не были перегружены избытком информации, сразу начал подпевать. Третий раз мы уже исполняли ее уверенным хором.

Напоследок все спрашивали меня, какую это байку рассказывал на базаре, что так пану не сподобилось и привела в результате к его трагической кончине. Пришлось им пересказывать смешную историю про католического духовника, жившего в доме у одного пана. Так заботился он о моральном облике его домочадцев, ночей не спал, а когда пан вернулся из очередного похода, то обнаружил и жену и дочку в интересном положении. Духовник, не будь дурак, не дожидаясь благодарностей за свой неусыпный труд, вовре-

мя сделал ноги, разыскивая новое поле для своей деятельности.

— Вот скажите — чем я тут римскую церковь обидел? Наоборот, рассказал, как ее слуги неусыпно работают с прихожанками.

— Все, Богдан, нам рассказал — больше никому, такие времена пошли, что князья могут и на голову укоротить за такие байки. Мы для князей те же тати с большой дороги — так и ищут повод с нами бучу затеять. Без повода бояться, знают: могут казаки и татар на помощь позвать, чтобы отомстить зарвавшемуся князьку. Любую свару князь против тебя решит, Богдан. Добре, что вы стражи не дожидались: от стражи одна беда.

Иван подтвердил мои сомнения в справедливости правосудия в эту эпоху. С другой стороны, чего тут странного? Назовите мне хоть один период в истории человечества, где правосудие не вызывало бы сомнения. А вот то, что вы, ребята, не удержитесь, сами мои байки — а у меня их много есть в запасе — будете в корчмах пересказывать, сомнения не вызывало. У нас, как известно, ради красного словца народ многим готов рискнуть.

— А покажи, Богдан, как ты пана с двумя гайдуками голыми руками побил. А то так, как Дмитро рассказывал, то они крепче нас троих были.

— Не буду показывать — поломаем тут все, другим разом покажу. Поздно уже, идем, Дмитро, там нас еще одна вечеря ждет.

— Какое поздно: вон еще только солнце заходит, светло на дворе.

— Иван, пусть Сулим с Давидом пиво пьют, а ты нас проводи, тут недалече наша корчма. Нужно мне, чтобы ты с хозяином потолковал. Нечисто там что-то у него. Дмитро, скажешь корчмарю, что знакомого казака встретили — пусть вечерю, пиво несет, — и молчи, потом Иван толковать будет, понял?

— Понял, чего тут не понять-то.

Войдя в корчму, после небольшой вступительной части, в которой мы еще раз поужинали и выпили пива, Иван, отозвав хозяина в сторону, умело разыгрывая подвыпив-

шего казака, начал с ним неторопливую беседу. Мы тем временем наедались про запас, восстанавливая недополученное в этот насыщенный событиями день. Наконец Иван закончил свой длинный разговор с корчмарем, попрощался с нами и, задумавшись о чем-то, пошел к своей корчме.

Утром встали затемно. Усадив Дмитра на возы, выпустив его за ворота, тут же вместе с хозяином закрыл двор и потащил его в корчму. Там заставил паковать нам в торбу копченого мяса, сала, хлеба и пирогов с капустой. Рассчитавшись, медленно оседлал коня, погрузил торбы на вторую лошадь, седло с которой мы вчера благоразумно сняли и уложили в телегу еще на окружной дороге. Выехав на основную дорогу, повернул в сторону Киева и легкой рысью поскакал по ней. Отъехав недалеко, развернулся и ходкой рысью полетел обратно, в сторону Черкасс. Как и предполагал, любопытный хозяин среагировал на звуки, успел выскочить из калитки, когда мы пролетали мимо его корчмы.

Паранойя — тяжелое заболевание, но параноики живут дольше остальных: научно-медицинский факт. Почему-то мне не хотелось, чтобы этот корчмарь знал, куда мы поехали на самом деле. Проскакав немного, перешел на легкую рысь, затем развернулся и шагом поехал к Ивану с остальными казаками. Они, оседлав и нагрузив лошадей, выводили наш табун из ворот своей корчмы. Поскольку Дмитро был с возом и должен уже двигаться по окружной вокруг Киева, каждому из нас приходилось вести в поводу пять-шесть коней.

Догнав Дмитра на окружной дороге и погрузив на телегу лишние седла, прикрыв все потниками и попонами, мы со скоростью хорошо груженного обоза двинулись к паромной переправе. Возле переправы выстроилось уже несколько караванов возов, ожидая своей очереди. Найдя в этом бедламе ближайшего к переправе купца, одного из тех, кто хотел нас нанять, представил ему нашу команду. Иван, быстро получив подтверждение от купца об условиях сделки и порядке движения, дав нам инструкции, пошел с купцом обговаривать многочисленные подробности.

После переправы, отправив нас с Сулимом в передний дозор, Иван с Давидом и Дмитрием замкнули караван, что, как правило, было самым опасным и ответственным постом. Между Киевом и Черниговом километров сто сорок пути. В принципе, такое расстояние можно проехать обозом за два-три дня. Но мы живем не в принципе, а на Руси, у нас все не так, как в принципе, и спрашивают люди часто друг у друга: как найти тот загадочный принцип? Тот, где все работает, не ломается, а обозы в день могут проехать пятьдесят километров... Никто не знает...

Дорога была в совершенно ужасном состоянии — видно, в распутицу ее искорежили колесами, а потом так оно все и замерзло марсианским пейзажем, по которому нужно ехать гружеными возами. Отовсюду слышался забористый русский мат, сопровождавший попытки преодолеть очередное препятствие.

Еще в прошлой жизни, когда был автолюбителем, мне не раз приходила в голову мысль, что самые выразительные и многоэтажные конструкции в русской речи оттачивались и росли в этажности именно на наших дорогах. И вот я получил прямое подтверждение своей гениальной, не побоюсь этого слова, догадке. Я знал, чувствовал, что без наших дорог наша речь не получила бы такого богатства и разнообразия выразительных средств, а наша литература не смогла бы взять вершины мирового лидера. С любовью смотрел на ухабы и застывшие буруны, увидев в этой дороге, серой лентой вьющейся через леса, строки Сквороды, Гоголя, Толстого...

Слезы невольно затмили мой взор, скрыв неровности и изъяны, оставляя в памяти нереальный, импрессионистский рисунок лесной колеи, так богато раскрашенный эмоциями и звуками...

Вызвав Богдана следить за дорогой и контролировать окрестности на предмет неприятных неожиданностей, зарылся в самокопание, основной темой которого был вечный вопрос: как сделать лучше, чтобы не получилось хуже? Вот, к примеру, удастся мне изменить историю в этой реальности, а в результате не родится Гоголь или помрет в детстве.

Как, чем измерить, лучше эта реальность или хуже, достойно то, что вышло, такой жертвы? Ведь недаром первый постулат врача, который они успешно забывают, — «не навреди». Можно вылечить насморк разными способами. Укоротив человека на голову, ты решишь проблему насморка радикально. Правда, вряд ли больной одобрит такое лекарство, а что он откажется его принимать самостоятельно — тут готов с любым поспорить.

Или возьмем, к примеру, Чингисхана. Завоевал ты, парень, Китай. Разберись, посмотри, что ж тебе в руки упало. Соедини преданность, неподкупность и бесстрашие монголов с изворотливостью, практичностью и трудолюбием китайцев, подумай, что можно использовать из их копилки знаний. То, что китайцы уже знали порох, известно всем, а то, что они на двести лет раньше европейцев имели суда, способные преодолевать океаны, что они плавали в Индонезию и Вьетнам, знают не все.

Счастье европейцев, что следующий император запретил дальние плаванья, аргументируя это тем, что чужие знания нарушат самобытность китайского народа. Иначе бы китайцев на планете была не четверть, а три четверти, а до двадцатого столетия, думаю, все бы мы были китайцами. Остановился бы Чингисхан в Китае, породнился с китайским народом, придал бы ему импульс экспансионизма, которого Китаю всегда не хватало, — лет за двести—триста все континенты и все народы входили бы в большой Китай.

Но это всего лишь мои предположения. Да и в реальной истории что было бы, если бы не прививал Великий Хан своим потомкам такой ненависти к городам, которой они оставались верны все триста лет существования своей империи, развивай они ремесла, науку, — кто смог бы бросить им вызов?

Только собственные идеологические шоры разрушили империю, занимавшую процентов восемьдесят известного на то время пространства и создавшую социальный строй несравнимо прогрессивней, чем у соседей. Субудай, Тимур, Едигей (этот список можно продолжить) начинали с самых низов. Только благодаря личным качествам они делали карьеру, немыслимую в монархическом обществе.

Но, конечно, самое смешное — это думать над этим, когда тебя могут повесить, как простого бандита, а все твои достижения — это тачка и спусковой механизм арбалета, которые научился делать Степан с дядькой Опанасом. Да и вообще, Владимир Васильевич, откуда эта эмоциональность, откуда эта экспрессия и мечтательность? Богданчик наш себе новую игрушку нашел: характер мне решил переделать — другого объяснения найти трудно.

Подкинул старому сухарю пару новых черт характера. Нет, скорее всего, у меня их нашел где-то на свалке, слегка на них нажал, чтобы вышли на первый план. И так все незаметно делает, где-то находясь за пределами сознательного восприятия, что и не замечаю ничего. А для него все происходящее с нами воспринимается как смесь кинофильма с компьютерной игрой — где-то он смотрит кино, не вмешиваясь, где-то его позовут на помощь, а где-то парень уже научился сам на педали нажимать.

Ладно, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. В конце концов, это его жизнь, просто у него игрушки другие, на уровне информационных технологий будущего. Я для него что-то типа искусственного интеллекта с огромной базой данных, он пока изучает мои возможности, нажимая на разные кнопки. А вот что дальше будет... Но пока самоконтроль и проверка желаний — это в нашей власти. Эмоциональность — не беда, беда — ее избыток.

Вернувшись к реальности, решил продолжить подрывную работу и начал рассказывать Сулиму остальные байки про католических священников и мнимые просьбы наших гречкосеев.

— Многие меня просили, Сулим, чтобы помог я им весточку для родных передать. Подумай сам, некоторых вы у татар отбили, другие сами пришли, у всех родня где-то осталась. В Киев на базар они не ездят, монет у них нет, добычи нет — что им там делать? Вот и просили меня с купцами толковать, кто туда ездит, где они раньше жили, — чтоб рассказали про них, что живы-здоровы, живут с казаками дружно, все у них есть — дом, скотина, земли, сколько обработать сможешь, — чтобы до родни весточка дошла. Раз у меня рот зашит, вы теперь с купцами толковать будете.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог.</i>	5
<i>Глава 1.</i> О том, как никто не хотел умирать, но искусство требуется жертв	7
<i>Глава 2,</i> в которой наука динамика демонстрирует свою несомненную практическую значимость.	45
<i>Глава 3,</i> в которой описывается алгоритм поведения с князьями	83
<i>Глава 4,</i> в которой становится ясно, что без мелочей не бывает совершенства.	124
<i>Глава 5.</i> Дела душевные и производственные	166
<i>Глава 6.</i> О простых решениях проблем, казавшихся нерешаемыми	207
<i>Глава 7.</i> Готовь сани летом, а засады зимой	226
<i>Глава 8.</i> Новый год можно встречать и после Масленицы	244
<i>Глава 9.</i> Весна идет — дорогу ей!	258
<i>Глава 10.</i> Прошла Пасха. Пришли татары	278
<i>Глава 11.</i> Преступление и наказание	294
<i>Глава 12.</i> Некоторые особенности охоты на охотников	317
<i>Глава 13.</i> «Погоня, погоня, погоня, погоня в горячей крови...»	336
<i>Глава 14.</i> На войне, как на войне	356
<i>Глава 15.</i> Кадры решают все	381